

УДК 94(476) “1921 – 1941”

Д.Н. ПОНУЖДАЕВ¹

СОВЕТСКАЯ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ МИЛИЦИЯ В УСТРАНЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ БССР В КОНЦЕ 1939 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1941 г.

Рассматривается деятельность рабоче-крестьянской милиции в контексте сложившейся в конце 1939 – начале 1941 г. XX в. в Западной Белоруссии общественно-политической обстановки и проводимой органами советской власти политики в отношении антисоветских оппозиционных сил. Доказывается оказание милицией содействия партийно-советским органам в выявлении, задержании участников антисоветских организаций и ее участие в проводимых депортациях отдельных категорий населения. По-средством анализа научных трудов, публикаций историков и архивных источников конкретизируются функции рабоче-крестьянской милиции в этой деятельности.

Введение

Военно-политические события осени 1939 г., связанные с присоединением к БССР западной части, привели не только к кардинальным изменениям в социально-политических отношениях в обществе, но и впоследствии трагически сказались на судьбе населения, проживавшего на данной территории. Установившееся государственное и общественное устройство привело к изменению в политической системе и нарастанию социальной напряженности. Наряду с лояльно настроенными к советской власти белорусами и евреями, рассчитывавшими на повышение своего социального статуса и ожидавшими для себя улучшений в социальной сфере поляки встретили новую власть настороженно.

Продолжительное время в современной польской историографии событий 1939 – 1941 гг. доминировало мнение, что поляки являлись жертвами агрессии со стороны белорусов и евреев как активных пособников советской власти [1, с. 50]. Период конца 1939 – первой половины 1941 г. в белорусской историографии трактовался поверхностно и без досконального анализа всех имеющихся документальных источников. В научных трудах советского времени события 1939 – 1941 гг. были достаточно заидеологизированы партийно-советскими органами, а сведения, нежелательные для огласки, были засекречены. Общественно-политическая деятельность рабоче-крестьянской милиции на территории западных областей БССР была всесторонне изучена. В работах исследователей не находили своего полного отражения вопросы участия сотрудников милиции в репрессивной политике советской власти, депортации отдельных категорий населения и др.

Основная часть

До создания в западных областях в начале ноября 1939 г. органов Народного комиссариата внутренних дел БССР первоначально образованные в соответствии с приказом командующего войсками Белорусского фронта № 5 от 21 сентября 1939 г. отряды рабочей гвардии уже рассматривались “как оперативно-подвижные группы для подавления бандитских шаек, очищающие районы от бродячих офицерских, жандармско-полицейских и солдатских групп быв-

¹ Выпускник исторического факультета 1998 г.

шей польской армии” [2, с. 16, 17]. Направление из других регионов 4 430 сотрудников НКВД и милиции, что составило 27% от общего количества всех прибывших, подчеркивало сделанную советской властью ставку в наведении порядка на “внутреннем фронте” силами сотрудников Наркомата внутренних дел [2, с. 219].

Основной целью советской власти при создании органов внутренних дел являлось формирование отлаженного административно-силового механизма, который должен был уничтожить все очаги сопротивления и недовольства, внешнюю и внутреннюю политическую оппозицию, принять меры по устранению имевшихся социальных проблем и противоречий, пресечь все возможные попытки противодействия проводимым новой властью мероприятиям, в том числе посредством создания широкой осведомительной сети и организации активной агентурной работы. Одним из звеньев в реализации этой стратегической линии стала рабоче-крестьянская милиция, принципы формирования и комплектования которой предполагали идейную сплоченность и преданность советской власти.

Характерной чертой кадровой политики этого периода стало направление на различные должности работников из восточных областей СССР. Среди них преобладали белорусы, составляя около 45% “восточников”, но их число было не намного выше, чем русских (32–38%). Именно они стали ядром формирующейся системы управления [3, с. 34]. Аналогичный принцип применялся и при создании органов милиции.

Управления рабоче-крестьянской милиции были укомплектованы в основном за счет оперативного состава, посланного из НКВД республик, УНКВД краев-областей, особых органов НКВД БВО и погранорганов НКВД [4, с. 125–126]. Быстрые темпы направления в западные области сотрудников из других регионов не останавливал возникавший значительный некомплект в некоторых областных управлениях. В Могилевском областном управлении РКМ в июле 1940 г. некомплект после откомандирования сотрудников в западные области составил 252 единицы [5].

Направляемые сотрудники, как правило, назначались на руководящие должности. Замещение нижестоящих должностей производилось из числа местного населения, не имеющего компрометирующего материала и буржуазного прошлого, зарекомендовавшего себя положительно в рядах рабочей гвардии. Как свидетельствуют архивные документы, по управлению рабоче-крестьянской милиции Белостокской области руководство избегало приема на службу кавалеристов польской армии (уланов), т.к. это были представители зажиточной части польского населения. На командные должности не принимались представители комсостава польской армии, а их замещение осуществлялось из числа демобилизованных красноармейцев. На административно-технические должности принимались лица только из разряда низших служащих польских учреждений, в отношении которых не имелось “компры”, из незажиточных слоев населения. Такие жесткие критерии отбора на службу в милицию из числа местного населения приводили к тому, что некомплект осенью-зимой 1939 – 1940 гг. в некоторых подразделениях был значительным. Кроме того, комплектование отдельных должностей в Белостокской области осложняло незнание большинством населения Августовского, Граевского, Высоко-Мазовецкого и Ломженского уездов русского и белорусского языков [6]. Ситуация с укомплектованием органов милиции стала улучшаться со второй половины 1940 г. Только в Барановичской

области из рабочей гвардии и добровольной сельской милиции было принято в штатные органы внутренних дел примерно полторы тысячи человек [7].

Работа милиции западных областей БССР протекала в сложных условиях. Если в восточных областях борьба велась главным образом с общеуголовными преступлениями (грабежами, кражами, хулиганством, хищениями социалистической собственности и др.), то в западных борьба шла в первую очередь с политическим и уголовным бандитизмом, а также с различными видами профессиональной преступности. В связи с активизацией контрреволюционных, националистических и уголовных элементов в середине 1940 г. в западных областях в структуре управлений государственной безопасности и милиции были организованы отделения по борьбе с бандитизмом, которые тесно взаимодействовали между собой [8, с. 86-88; 9, с. 149-150].

Искоренение антисоветского движения в западных областях было невозможно из-за поддержки со стороны других государств, в том числе Германии, которая перед началом войны была заинтересована в расколе белорусского общества. С этой целью при Министерстве внутренних дел Германии было создано Белорусское представительство, которое занималось вербовкой лиц, желающих оказать помощь Германии в так называемых «белорусских вопросах». С установлением советской власти в западных областях под видом беженцев немцы перебросили на территорию СССР значительные кадры своей агентуры [10, с. 471]. Органы государственной безопасности проводили разработки подозрительных лиц на причастность к вражеской агентуре, в том числе по информации, поступающей от сотрудников милиции. Органы милиции также активно способствовали задержанию и ликвидации участников польских антисоветских организаций «Стрелецкий Союз», «Союз вооруженной борьбы», «Батальон смерти» и др. [11, с. 17-19, 27-28].

Выявление, оперативное сопровождение и задержание участников антисоветского сопротивления в западных областях являлось основной задачей органов государственной безопасности. На эти подразделения работали все властные структуры и просоветски настроенное население – от простого крестьянина и рабочего до руководителя предприятия и секретаря партийной организации. Созданная органами государственной безопасности агентурно-осведомительная сеть позволяла из различных источников получать информацию о недовольных советской властью, ведущих антисоветскую деятельность. Специфика работы милиции заключалась в постоянном пребывании среди людей, в связи с чем сотрудники в процессе повседневной деятельности получали от граждан оперативную информацию, которая впоследствии передавалась соответствующим органам. На выявление такого рода информации милиционеры ориентировались ежедневно и поэтому помимо раскрытия уголовных и имущественных преступлений в милицейских сводках того времени находили место факты выявления и задержания активистов нелегальных антисоветских организаций.

В 1940 г. на железнодорожной станции Тэвли милиционерами был задержан вооруженный шпион-диверсант, при обыске которого были обнаружены два пистолета, крупная сумма американских долларов, польских злотых, немецких марок [12, с. 3]. В декабре 1939 г. начальник управления рабоче-крестьянской милиции Белостокской области в докладе секретарю обкома ВКП(б) указывал, что участковый уполномоченный Высоко-Мазовецкого уезда Вербовский, увидев поздно вечером в г. Лапы собравшихся на улице 29 человек, присоединился к их разговору и, узнав, что один из собравшихся призывает всех «на восстание

против советской власти”, вызвался устроить приезжих на квартиру и предоставить им подводы. Сотрудник милиции “под видом устройства на квартиру привел на двор уездной милиции” троих заговорщиков. Один из задержанных, гражданин Эrimiнович, как следовало из доклада, оказался “руководителем и организатором повстанческой организации” [13].

Известным является факт задержания в сентябре 1940 г. эмиссара Пясецкого, продолжительное время осуществлявшего антисоветскую деятельность в молодежной среде. В результате задержания получил смертельное ранение милиционер Ивьевского районного отделения В. Мисса и проявил грамотные профессиональные действия участковый П. Ивуть [11, с. 48-49]. В работах ученых и документальных источниках приводятся факты, подтверждающие участие бригадмильцев и партийно-комсомольских активистов в выявлении и задержании совместно с милицией “агентов иностранных государств, заброшенных на территорию СССР для выполнения шпионско-диверсионных заданий” [9, с. 150].

Одна из функций милиции – пресечение различных антисоветских собраний. В январе 1940 г. в информационной записке “О политико-моральном состоянии населения Радосшковичского района” секретарь Радосшковичского райкома КП(б)Б докладывал секретарю Вилейского обкома КП(б)Б, что «28 января в Радосшковичах по Друтовской улице в доме Садовского Антона под видом вечеринки было собрание польского населения, на котором велись антисоветские разговоры. После посещения вышеуказанного собрания работниками милиции на окнах квартиры милиционера Юховича были наклеены контрреволюционные листовки с содержанием “вон жидовскую власть”» [2, с. 107].

Исследователями истории милиции не отмечалось участие сотрудников органов внутренних дел в проведенной в конце 1939 – начале 1940 г. на территории западных областей БССР крупномасштабной операции по выселению осадников и работников лесной охраны. Краткое упоминание об этом имеется в статьях профессора А. Хацкевича [14, с. 91]; на широкое использование милицейских сил во время массовой депортации населения из западных областей БССР в 1940 – 1941 гг. указывает М.П. Костюк [15, с. 21]. Однако конкретно-исторические примеры участия органов милиции в подобных операциях единичны.

Лесники, лесничие, техники и инженеры государственных учреждений лесоохраны играли ведущую роль в формировании резервных складов и хранилищ для создания впоследствии польских партизанских отрядов и диверсионных групп. Они имели военную подготовку по организации и проведению повстанческой деятельности, знали свои обязанности во время подготовки к вооруженной борьбе и при непосредственных военных действиях [11, с. 25]. Осадники – бывшие польские военные, отметившиеся в польско-советской войне 1920 г. и получившие в качестве награды наделы на этих территориях. До 1929 г. на западнорусских территориях их проживало 8,4 тыс., и они относились к категории зажиточного населения [16, с. 451].

Решение о депортации осадников и работников лесной охраны было обусловлено их потенциальной опасностью для советской власти. Не являясь сторонниками новой власти и проживая в подавляющей своей массе на хуторах, они представляли значительную конспиративную и разведывательную базу для антисоветских сил. Такая склонность жителей хуторских хозяйств приграничных районов, особенно поляков, подчеркивалась Наркомом внутренних дел БССР в докладной записке в Центральный комитет КП(б)Б БССР в октябре 1937 г. [17].

Причины депортации данной категории населения также лежали и в плоскости социально-экономических интересов: советская власть таким образом решала проблему имевшегося негативного отношения малоимущего крестьянства к этой категории зажиточного населения. Путем перераспределения его имущества устраняла социальную напряженность между богатыми и бедными в сельской местности, и этим поднимала свой авторитет у последних.

25 сентября 1939 г. в письме И.В. Сталину секретарь ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко писал, что “многих осадников и помещиков крестьяне истребляют (вешают, расстреливают, убивают) или приводят и сдают Временным управлениям” [2, с. 17]. В направленной в декабре 39-го И.В. Сталину информации он снова указывает о настроенности крестьян “против осадников”, характеризует благосостояние этой категории населения и вносит предложения по дальнейшему перераспределению их материально-хозяйственных средств, в том числе по выделению “1000 лошадей для конной милиции Белоруссии” [18, с. 101-102].

Операции по выселению осадников и работников лесной охраны предшествовали подготовительные мероприятия. К началу января 1940 г. с “исключительной конспирацией” был проведен предварительный учет осадников, работников лесной охраны и членов их семей, создано 37 оперативных участков и 4 005 оперативных троек. В формирование оперативных троек и подразделений, которые непосредственно проводили выселение людей и конвоирование их к месту погрузки в эшелоны, было включено 6 718 красноармейцев и милиционеров. Помимо этого в западных областях для участия в операции было отобрано 4 632 человека, в число которых также входили работники милиции и партийного актива [14, с. 91-92]. В ходе операции, начавшейся 10 февраля 1940 г., было репрессировано 9 584 хозяйства (50 732 человека).

21 февраля Нарком внутренних дел БССР Л. Цанавя доложил П.К. Пономаренко о результатах проведенной операции, в ходе которой умерло и было убито 4 человека [2, л. 110]. Однако данная информация не совсем соответствует действительности. Согласно оперативному отчету начальника УНКВД по Белостокской области от 10 февраля 1940 г. “О проведенной операции по выселению осадников и работников лесной сторожевой охраны по Белостокской области” на имя наркома внутренних дел сообщалось, что только в Волковысском уезде “при конвоировании выселяемых на станцию умерло четверо детей”. В этом же отчете указывалось, что милиционером Денисенко в Волковысском уезде при оказании сопротивления был убит осадник Высоцкий, труп которого был оставлен у председателя волостного крестьянского комитета и “утром похоронен в присутствии оперативных работников” [19]. В докладной записке Наркома внутренних дел БССР от 21 февраля нет ни одного упоминания об участии в операции сотрудников милиции, а участвовавшие в ней назывались “оперативная тройка”, “оперативно-командный и рядовой состав”, “местный актив” и т.д. [2, л. 109, 113]. Сотрудники милиции приняли участие и в проведенной 29 июня 1940 г. операции по выселению из западных областей республики беженцев из оккупированной Германией Польши, что находит свое отражение в работах А. Хацкевича [20, с. 74].

Подсчитать истинное количество жертв депортации населения, проведенных советской властью в тот период, невозможно. Главным для органов внутренних дел было неукоснительное соблюдение сроков проведения депортации, а дальнейшая судьба и место высылки граждан их не интересовала. Так, в мае 1941 г. на запрос управления Народного комиссариата внутренних дел по Бара-

новическай абласці аб устанавленні месцінаходжэння грамадзянкі Готтесман начальнік пашпартна-рэгістрацыйнага аддзялення Слонімскага гарадскога аддзялення НКВД сержант міліцыі Кац смятаў, што яе “в марце месяце 1940 г. во время операции Слонимского ГО НКВД вывезли неизвестно куда” [21].

Развернутая в заападных абласцях пашпартызация населяння, функцыі якой возлагаліся на міліцыю, праследавала сваёй цэллю не толькі ўчет пражываючага здысь населяння, но і выяўленне анцісавецкі настроенных грамадзян с цэллю паследуючага іх выселення ілі апэратывнага набліодення за нымі саауднікамі госбезопасности. В докладной записке заместителя начальника УНКВД по Барановичской области секретарю обкома КП(б)Б от 8 июня 1940 г. отмечалось, что “...перед началом пашпартызации нами былі даны указання рааотникам міліцыі, адвечаяшым за выадачу пашпартов, о том, что последние в процессе своей работы должны устанавліавать і выяўлять всех ліц, скрываюшыхся от выселення ілі ареста, а также поліцэйскіх, офіцэров і другога анцісавецкага элемента. В результате проведенной работы через пашпартныя пункты г. Барановічы былі выяўлены 32 сямьи, подляжащие выселенню из пределов БССР. Кроме этого, выяўлено анцісавецкага элемента, как то: сержантов бывшей польской армии, торговцев, членов сямей, главы у которых бежали за границу і т.д. – 432 человека. Весь этот контингент взят нами на апэратывный ўчет” [2, л. 162-163].

В предвоенные годы сааудники органов внутренних дел также выполняли важные функции по обеспечению общественного порядка во время подготовки і проведения важных політэческих мероприятий і кампаний (выборы в Верховные Советы СССР, БССР в марце 1940 г. і местные Советы в декабре этого же года і др.). Проводились мероприятия по раскрытию готовящихся террористических актов і преступлений, совершенных в отношении партійных і советских руководителей, пресекалась всякая анцісавецкая деятельность.

Заклученне

Конкретный историко-правовой материал свидетельствует, что при комплектовании органов міліцыі заападных абласцей БССР изначально закреплялся классово-национальный подход і формировался идейно стойкий, в подавляющем большинстве не обремененный родственными связями і национальной общностью, аппарат принуждения і подавления различных анцісавецкіх проявлений, четко і слаженно решающий военные і общественно-політэческие задачи.

Созданные органы охраны общественного порядка стали составной частью административно-силового механизма советской власти, і в их деятельности значительно повысилась роль політэческого сыска, а именно: при осуществлении охраны общественного порядка повышенное внимание сосредотачивалось на задержании шпіонов, диверсантов, бывших поліцэйскіх і т.п., цэллю пашпартызации было также выяўление анцісавецкага элемента і ліц, скрываюшыхся от выселення. Фактически вся проводимая борьба с преступностью являлась борьбой за устанавленне на территории заападных абласцей БССР новой власти. Особенно роль міліцыі возрастала в период проведения важных політэческих кампаний, когда обострялась борьба с оппозиционными организациями і возникла наибольшая вероятность совершения с их стороны действий по дестабилизации обстановки. Немаловажным аспектом являлось і то, что в рассматриваемый период сааудники міліцыі активно заадействовались в оказании помощи различным ведомствам в решении возложенных на них задач: орга-

низации первых колхозных хозяйств, проведении агитационной работы среди населения и др. Определенное участие было принято и в проведенных советской властью репрессивных мероприятиях и депортации за пределы республики неблагонадежного элемента. В этих процессах сотрудники милиции, наряду с военными и партийными органами, входили в состав сформированных оперативных групп и проводили мероприятия по установлению лиц, подлежащих высылке, их предварительному учету и непосредственному выселению из жилищ, конвоированию на сборные пункты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Струнец, С.В.** Освещение в современной польской историографии проблематики межнациональных отношений на территории западных областей БССР в 1939 – 1941 гг. / С.В. Струнец // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Сер. 2. Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2012. – № 2. – С. 50–57.
2. Ты с Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі... Верасень, 1939 г. – 1956 г. : дакументы і матэрыялы : у 2 кн. / У.І. Адамушка [і інш.]. – Мінск : Беларусь. Навука, 2009. – Кн. 1 : Верасень 1939 – 1941 г. – 340 с.
3. **Струнец, С.В.** Особенности советской национально-кадровой политики при формировании представительных органов власти западных областей БССР в 1939 – 1941 гг. / С.В. Струнец // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2012. – № 3. – С. 33–39.
4. Милиция Беларуси. Документы и материалы (1917 – 2007) / сост. К.И. Барвинок [и др.] ; под ред. канд. ист. наук, доц. К.И. Барвинка, д-ра ист. наук, проф. А.Ф. Вишневого ; авт. ист. очерка К.И. Барвинок, А.Ф. Вишневский. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. – 352 с.
5. Списки рекомендуемых обкомом КП(б)Б членах, кандидатах ВКП(б), членов ВЛКСМ для работы в органах НКВД в Западной Белоруссии. Переписка обкома с райкомами КП(б)Б о подборе кадров в школы НКВД январь 1940 г. – май 1941 г. // Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАООМГО). – Фонд 9. – Оп. 6а. – Д. 127. – Л. 32.
6. Документы о работе правоохранительных органов, о работе с личным составом РКМ Белостокской области (протоколы, сообщения, докладные записки, справки, переписка). 29.12.1939 г. – 10.06. 1941 г. // Государственный архив общественных объединений Гродненской области (ГАООГРО). – Фонд 6195. – Оп. 1. – Д. 731. – Л. 10б.
7. Милиция Гродненщины: Страницы истории / А.А. Белошевский [и др.] ; под общ. ред. А.А. Белошевского. – Гродно : ГОУПП “Гродненская типография”, 2002 – 336 с.
8. Белорусской милиции 50 лет (1917 – 1967 гг.): Краткий очерк. – Минск : МООН БССР. – 1967 – 208 с.
9. Очерки истории милиции Белорусской ССР, 1917 – 1987 / В.Н. Савичев [и др.] ; под ред. В.А. Пискарева. – Минск : Беларусь, 1987. – 535 с.
10. **Мозохин, О.Б.** Борьба советских органов государственной безопасности с терроризмом / О.Б. Мозохин. – М. : Кучково поле, 2011. – 624 с.
11. Милиция Гродненщины: страницы истории / Г.Г. Евчар [и др.] ; под общ. ред. Хоцько Г.Е. – Гродно : Гродн. тип., 2007. – 392 с.
12. **Круглов, Г.** Пример высокой бдительности / Г. Круглов // На страже Октября. – 1967. – 22 дек. – С. 3.
13. Сцецообщения, сводки начальника УРКМ УНКВД по Белостокской области о происшествиях в г. Белостоке и области 1939 г. // Государственный архив общественных объединений Гродненской области (ГАООГРО). – Фонд 6195. – Оп. 1. – Д. 230. – Л. 22.
14. **Хацкевіч, А.Ф.** Арышты і дэпартацыі ў Заходніх абласцях Беларусі (1939 – 1941 гг.) / А.Ф. Хацкевіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 1994. – № 1. – С. 89–94.
15. **Касцюк, М.П.** Характер беларускай дзяржаўнасці ў XX ст. і задачы міліцыі / М.П. Касцюк // Милиция Беларуси 90 лет: История и современность : мат-лы науч.-практ. конф., Минск, 27 февраля 2007 г. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, Минск, 2007. – С. 18–22.

16. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2007. – Т. 5 : Беларусь у 1917– 1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. – 2007. – 613 с.
17. Спецсообщения, докладные и справки органов НКВД октябрь-ноябрь 1937 г. // Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 12055. – Л. 78–95.
18. **Адамушка, У.І.** Палітычныя рэпрэсіі 20 – 50-ых гадоў на Беларусі / У.І. Адамушка. – Мінск : Беларусь, 1994. – 158 с.
19. Государственный архив общественных объединений Гродненской области (ГАООГрО). – Копия оперативного отчета и сводка о результатах проведенной операции по выселению осадников и работников лесной сторожевой охраны Белостокской области 1940 г. – Фонд. 6195. – Оп. 1. – Д. 93. – Л. 7.
20. **Хацкевіч, А.Ф.** Арышты і дэпартацыі ў Заходніх абласцях Беларусі (1939 – 1941 гг.) / А. Хацкевіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 1994 г. – № 2. – С. 70–76.
21. Переписка с управлением милиции УНКВД по Барановичской области 1941 г. // Государственный архив Гродненской области. – Фонд. 576. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 12.